

Была и ещё одна весомая причина, побудившая Цин И задержаться: обширная библиотека Е Юаня, где медицинские трактаты и записи плотно забивали полки в четыре ряда. Для него это наследие представляло собой величайшее сокровище — чистый золотой запас, не меньше. Чтобы заставить достижения современной медицины исправно служить в эту дремучую эпоху, ему требовался надёжный мост, мощный магнит, способный намертво соединить два противоположных полюса.

Принесут ли эти «золотые слитки» богатство в будущем? Цин И не обладал даром предвидения, но в одном сомневаться не приходилось: это верный способ обеспечить себе безбедную жизнь. В какие бы дебри времени и пространства ни занесла судьба, в больших недостатка не будет никогда.

Записи, оставленные Е Юанем, опирались преимущественно на внешние проявления недугов. К примеру, если дело касалось головной боли, в трактате скрупулёзно перечислялись все сопутствующие симптомы, и под каждую комбинацию подбирался особый рецепт. Головная боль с рвотой — одно лекарство; головная боль с режью в животе — другое; если же больного изнуряли и головная боль, и спазмы, и рвота одновременно, в ход шло уже третье средство.

В этом и крылось коренное отличие от медицины будущего. Ограниченные в возможностях древние лекари не могли заглянуть внутрь человеческого тела и понять первопричину сбоя. Им оставалось лишь бороться с внешними проявлениями: давать отвары, прикладывать припарки да прижигать особые точки. Но если измученный недугом бедняга терял способность глотать, его участь была предрешена — он становился практически безнадежен.

Цин И, хоть и изучал когда-то традиционную китайскую медицину, за долгие годы привык полагаться на быстродействующие синтетические препараты. Теперь ему отчаянно не хватало глубокого понимания местной фармакопеи. Чтобы вспомнить свойства редких трав и старинные рецепты, требовалось время.

Зато чего у него было в избытке, так это фундаментальных знаний о двух тысячах заболеваний, известных науке двадцать первого века. Возможно, в этом чистом, не отравленном химикатами мире не существовало столь изощрённых мутаций и синдромов, как в его времени. Однако из-за примитивной диагностики лекари то и дело ошибались, упуская драгоценные дни, и подобные врачебные промахи сплошь и рядом стоили пациентам жизни.

Задача Цин И сводилась к тому, чтобы систематизировать хаотичные симптомы, классифицировать их и составить новый справочник, опирающийся на подлинные, глубинные причины болезней.

Не теряя ни минуты, едва лишь соглашение с Цюй Луныцзюнем было скреплено словом, Цин И засел в кабинете за бумаги прежнего владельца.

Однако едва он разложил свитки, как столкнулся с самым нелепым и непреодолимым препятствием с момента своего перемещения в это тело. Глядя на стройный ряд тонких кистей, висящих на лаковой подставке, Цин И едва подавил искушение поймать во дворе

петуха и выдрать у него перо.

— Мань Юэ! — позвал он.

— Учитель!

Мань Юэ, дежуривший у порога, мгновенно шмыгнул в комнату. Было видно, что мальчишка с трудом сдерживает рвущиеся наружу расспросы: глаза его так и бегали, а пальцы так и норовили то взъерошить волосы, то почесать за ухом, то потереть кончик носа.

Цин И тихонько вздохнул:

— Я остаюсь всего на месяц.

— Но, учитель, я ведь ничего не говорил!

— У тебя вся обида на лице написана. Думаешь, твой учитель бросает слова на ветер и готов нарушить данное обещание?

— Нет! Что вы, учитель! Мань Юэ и в мыслях такого не держал! — паренёк испуганно замахал руками. — Я просто... переживаю за вас. Не хочу больше видеть вас таким подавленным, как прежде.

— Разве я был подавлен?

— Ещё как! Было время — вы по три дня кряду с постели не вставали, и крошки в рот не брали. А когда приходили больные, вы... вы даже рецепты путали.

Тут уж возразить было нечего.

— Значит, ты против того, чтобы я здесь оставался?

— Князь ведь был близок с вами, а сам взял да и ввёл в дом наложницу... Да и теперь затевает бог весть что. Перед тем как вас призвали в императорский дворец, вы тоже сами на себя не были похожи.

«Обезопасил себя, мерзавец, оставил наследника! — Цин И презрительно усмехнулся в мыслях. — Чёрствый, бездушный эгоист»

— Не бери в голову, — мягко оборвал его Цин И. — Мой срок — один месяц. Мне нужно лишь привести в порядок эти записи. Как только закончу, мы уйдём. Обещаю.

— И вы не изводите себя, учитель. Раз решили остаться — значит, так нужно. А соберётесь в путь — Мань Юэ пойдёт за вами хоть на край света.

— Писать-то умеешь?

— Умею. Вы же сами меня учили.

— Вот и славно. Тогда бери кисть и пиши под мою диктовку.

— Слушаюсь! — с готовностью отозвался парень.

Труд предстоял колоссальный. Цин И бегло просматривал старые манускрипты, хмурился, размышлял вслух и диктовал выводы. Мань Юэ, склонившись над столом, прилежно выводил иероглиф за иероглифом, то и дело прерываясь на расспросы — многие медицинские термины, слетавшие с губ учителя, он слышал впервые в жизни.

В разгар работы дверь кабинета распахнулась, и на пороге без предупреждения появился Цюй Луныцзюнь.

— Чем это вы заняты? — удивлённо спросил князь, окинув взглядом заваленный свитками стол.

— Привожу в порядок записи, — коротко отозвался Цин И.

— Но ведь это... — Цюй Луныцзюнь осёкся на полуслове и бросил выразительный взгляд на притихшего подмастерье.

Цин И мгновенно сообразил, к чему клонит гость.

— Мань Юэ, оставь нас. Нам нужно переговорить наедине.

— Слушаюсь, — мальчик поклонился и поспешно выскользнул за дверь.

Едва за подмастерьем закрылась дверь, Цюй Луныцзюнь подошёл ближе.

— Это труды Юань-эра. Ты действительно понимаешь, что здесь написано?

— Представьте себе, я обучен грамоте.

—... И ты смыслишь в искусстве исцеления?

— Кое-что смыслю. Просто мы с Е Юанем шли к одной цели разными путями.

— То есть?

— То, в чём преуспел он, неведомо мне; то, чем владею я, было за гранью его понимания. Но если объединить наши методы, результат превзойдёт любые ожидания.

— Я слышал, ты исцелил Его Величество?

— Обычное везение.

— Поставить на ноги императора, не прибегнув ни к иглам, ни к снадобьям — и это ты называешь обычным везением?

— Именно так. К чему вы клоните, Ваше Высочество?

Цюй Луныцзюнь приподнял бровь:

— Мне подумалось... раз уж вы оба посвятили себя медицине, у вас должно быть немало общего.

Цин И, слегка склонив голову набок, прищурился и некоторое время молча разглядывал князя.

— Знаете, Ваше Высочество, в дикой природе голодный гепард, выбрав жертвой молодую газель, никогда не бросится на неё сломя голову. Он крадётся, прячась в высокой траве, сокращая расстояние шаг за шагом. Стоит ему понять, что жертва не чувствует беды, как он делает ещё один шаг вперёд. И к тому моменту, когда до испуганной газели наконец доходит, что пора спасаться бегством, расстояние между ними сжимается настолько, что стремительный рывок хищника делает финал предрешённым.

Цюй Луныцзюнь изящным движением откинул полу халата и опустился на резной стул красного дерева по соседству со столом.

— Что ты хочешь этим сказать?

Цин И отложил свиток, устроился поудобнее в своём кресле и тяжело, с неприкрытой обречённостью вздохнул:

— Я хочу сказать, что вы сейчас примеряете на себя шкуру этого гепарда, а меня держите за беззащитную газель. Вы осторожно, шаг за шагом прощупываете мои границы. Вы прекрасно понимаете, что я не Е Юань, а значит, ваш визит продиктован отнюдь не внезапно

вспыхнувшей тоской. С той самой минуты, как вы так настойчиво уговаривали меня остаться, вами двигала вовсе не слепая привязанность. Пусть даже на девяносто процентов это была чистая правда, но оставшийся один процент — холодный прагматичный расчёт. У меня есть все основания полагать, что ваши нынешние окольные расспросы вызваны праздным любопытством лишь на десятую долю. В остальном же вам что-то от меня нужно. Точнее, от этой телесной оболочки, которая когда-то звалась Е Юанем. То обстоятельство, ради которого высокопоставленный князь готов поступиться гордостью и терпеливо выслушивать, как чужак препарирует его помыслы, должно быть делом исключительной важности. А что может быть важнее для принца крови? Только борьба за престол. Других вариантов я просто не вижу. — Он умолк, пристально вглядываясь в лицо собеседника. — Так что же вы замышляете?

Цюй Луныцзюнь опустил глаза, уставившись в пол. Его лицо оставалось маской абсолютного бесстрастия, однако от наметанного взгляда Цин И не укрылись едва заметные перемены.

Сначала носок его сапога был направлен прямо на Цин И, но посреди монолога едва заметно развернулся в сторону. Это выдавало внутреннюю смену ролей: князь начинал беседу расслабленно, будучи готовым снисходительно выслушать собеседника или недооценивая его, но затем резко подобрался и ушёл в глухую защиту.

Ещё одна деталь: он сделал четыре едва уловимых движения пальцами правой руки, покоившейся на подлокотнике. Сперва указательный палец трижды легонько коснулся дерева, а затем указательный и средний опустились вместе. Это означало, что в уме князя уже сформировались три чётких вывода, но последний удар выдал нерешительность — один вопрос всё ещё оставался для него открытым.

Наконец, стоило Цин И задать свой последний вопрос, как Цюй Луныцзюнь опустил руку, до этого неподвижно лежавшую на подлокотнике, и положил левую ладонь на колено.

С точки зрения эволюции, когда человеческий род только зарождался, наши предки были далеко не самыми грозными существами. Оказавшись один на один с крупным плотоядным зверем, человек мог либо бежать, либо прятаться, инстинктивно принимая защитную позу. Со временем эти рефлексy намертво впечатались в наш генетический код, превратившись в неосознанные жесты самосохранения, которые проявляются всякий раз, когда мы чуем угрозу. Так, услышав внезапный грохот, любой человек инстинктивно вжимает голову в плечи и силится сжаться в комок.

И то, что Цюй Луныцзюнь опустил руку, вовсе не было случайным жестом утомления. Именно из такого положения удобнее и быстрее всего выхватить спрятанное под одеждой оружие. Похоже, прямолинейный разбор загнал князя в угол, лишив его возможности вести неспешную, безопасную игру. Вдобавок обнаружилась ещё одна любопытная деталь: этот вельможа оказался левшой.

Спустя мгновение Цюй Луныцзюнь вскинул взгляд и негромко рассмеялся:

— Ты действительно совсем не похож на Юань-эра.

— Разумеется, — согласился Цин И.

— Ты на редкость умен.

— И это ваш первый вывод, Ваше Высочество?

— Вывод? — переспросил князь.

— Из нашего недолгого разговора вы успели извлечь три неоспоримых факта и один каверзный вопрос, над решением которого сейчас ломаете голову.

В глазах Цюй Луныцзюня на миг вспыхнул опасный огонёк. Он холодно отвернулся, взвешивая услышанное, но когда вновь повернул лицо к Цин И, его облик снова излучал мягкое дружелюбие.

— Ты куда изворотливее и проникательнее Юань-эра.

— Ошибаетесь. Е Юань тоже был чрезвычайно умен.

— С чего ты взял?

— Его гений служил спасению чужих жизней, а не выстраиванию коварных интриг и борьбе за престол. Вы же, напротив, принадлежите к породе вторых.

— Вот как? И к какому же сорту ума ты относишь собственный разум?

— А вот над этим вопросом вы как раз сейчас и размышляете, не так ли? — Цин И негромко рассмеялся. — Я знаю, что вы не станете убивать меня. Я для вас слишком полезен. До нашего разговора вы видели ценность лишь в телесной оболочке Е Юаня, способной послужить вашим целям. Теперь же вы понимаете, что куда большую выгоду может принести незнакомец, занявший это тело. Те три вывода, к которым вы пришли, звучат так: во-первых, я чертовски умен; во-вторых, мой конёк — чтение человеческих душ; и в-третьих, этот «новый» гость куда полезнее покойного лекаря. Вопрос же, который не даёт вам покоя, звучит следующим образом: как подчинить этого наглеца своей воле, заставить его верно служить вашим интересам и при этом спать спокойно, не боясь удара в спину? Вы лихорадочно ищете способ приручить меня так же, как когда-то приручили Е Юаня.

Цюй Луныцзюнь на мгновение застыл, а затем от души захлопал в ладоши, разразившись громким смехом:

— Браво! Великолепно! Поистине поразительно. Ну же, не останавливайся! Позволь мне увидеть, где предел твоей проникательности.

— Ваше Высочество, мне нечего скрывать от вас, поскольку... я не пугливая газель, да и вы вовсе не грозный гепард.

— И кто же мы тогда друг другу?

— Лишь временные союзники.

— Что ж, пусть будет так. Раз уж ты заговорил о союзе, у меня и впрямь есть к тебе одно деликатное дело.

— Вынужден заранее ответить отказом.

— Отчего же? Я ведь ещё даже не озвучил свою просьбу. Теперь мне действительно чертовски любопытно услышать твои доводы.

Цин И лишь развёл руками и сокрушённо вздохнул:

— По правде говоря, мне не хочется портить всё скучными объяснениями. Когда видишь чистый результат, он кажется чудом, будоражит воображение. Но стоит сорвать покров тайны, как всё волшебство улетучивается. Это как фокус: зритель замирает в восторге, глядя на трюк, но покажи ему потайное дно у ящика или хитрый замок на кандалах — и магия превратится в дешёвое ремесло.

— Что такое фокус? — не понял князь.

— Искусство иллюзии. Нечто похожее у вас вытворяют бродячие даосы или монахи, когда сжигают амулеты и якобы творят чудеса.

— В сказки этих шарлатанов я сроду не верил, — усмехнулся Цюй Луныцзюнь. — А вот твоё умение читать мысли меня по-настоящему интригует. Владеть таким оружием в нашем мире — бесценный дар.

— Обычная прикладная психология, скрещённая с логическим анализом, ничего сверхъестественного.

— И что же это за диковины?

Цин И почувствовал себя лектором в скужающей аудитории и слегка досадливо скривился.

— Объяснять теорию долго и нудно. Проще показать на деле. Скажите, Ваше Высочество, вы ведь обычно всё делаете левой рукой?

— Откуда тебе это известно? — князь удивлённо подался вперёд.

— Ваша реакция только что это подтвердила.

— Неужели кто-то донёс тебе заранее, а ты теперь просто пускаешь мне пыль в глаза?

— Вовсе нет. Давайте я объясню в общих чертах, иначе мы просидим здесь до утра. Люди устроены так, что большинство из них лучше владеет правой рукой, меньшинство — левой, и лишь немногие одинаково искусны обеими. Если человек с детства привык держать палочки для еды или кисть в правой руке, его ведущая сторона — правая. Представьте музыканта, играющего на цине: его правая рука ведёт основную мелодию, совершая осознанные действия, в то время как левая лишь подчиняется выработанной привычке на подсознательном уровне. Поэтому у правши именно левая рука чаще всего выдаёт произвольные инстинктивные жесты. Вы же, слушая меня, совершенно не задумываясь выстукивали ритм пальцами правой руки — она действовала машинально. Зато левой рукой вы инстинктивно прикрылись, уйдя в глухую оборону. Этого вполне достаточно, чтобы распознать в вас левшу. Вероятно, в детстве вас строго наказывали и заставляли писать и держать оружие правой рукой — таков удел знатных господ. Но природу не обманешь: стоит ослабить бдительность или оказаться в стрессовой ситуации, как врождённые повадки тут же берут своё.

— И это ты называешь логическим анализом?

— В общих чертах — да. Логика, если говорить простым языком, строится на незыблемых законах следствия. Существует два основных пути. Первый — прямой вывод. Если вы видите на улице прохожего, который идёт, уставившись под ноги, и что-то ищет, разумно предположить: он обронил ценную вещь и теперь пытается её отыскать, возвращаясь по собственным следам. Одно вытекает из другого: раз ищет — значит, потерял. Второй путь — доказательство от противного. Если вы сумеете опровергнуть утверждение «он ничего не терял», то автоматически докажете истинность суждения «он что-то потерял». Это и есть метод исключения лишнего.

Цюй Луныцзюнь тихо усмехнулся, покачивая головой:

— Занятно... Весьма занятно.

— Но самое интересное вы, похоже, упустили из виду.

— И что же именно?

— Минуту назад, прежде чем перейти к объяснениям, я упомянул, что вы левша. Верно?

— Верно. Потому-то я и спросил, откуда тебе это ведомо.

— Но обратите внимание: я задал вопрос: «Вы ведь обычно всё делаете левой рукой?», а не высказал утверждение: «Вы делаете всё левой рукой». Разница кроется в едва уловимом интонационном нюансе, но за ним стоит совершенно иной смысл. Заяви я это с абсолютной уверенностью в голосе, вы бы сразу заподозрили подвох, поняли, что я откуда-то выудил этот факт заранее. Но мягкий, скользящий вопрос застал вас врасплох. Ваше подсознание выдало мгновенную реакцию, которая и послужила лучшим подтверждением моей догадки.

— Ха-ха-ха! Превосходно! — Цюй Луныцзюнь так и покатылся со смеху. — Какая тонкая игра! Признаться, я многому сегодня научился.

— Вы мне льстите, Ваше Высочество.

— Что ж, выходит, небо забрало у меня того, кто был дорог моему сердцу, но взамен послало неоценимого советника, способного возводить на престол царей.

— Не торопитесь с выводами.

<http://bllate.org/book/20580/2131118>